

УТРОМ 11 августа немцы заняли село. Майор Вилли Фацман стоял на крыльце старого, но добротно сложенного дома и докуривал третью сигарету. С ним такое было редко.

Двери в сени были настежь раскрыты и из черного проема тянуло прохладой. День клонился к вечеру, но солнце на безоблачном небе еще знойно обдавало иссохшую землю. Россия!

Для Вилли она была загадкой. В школе учитель географии — рябой Вальтер Хамш, побывавший в первую империалистическую войну в русском плену, презрительно кривил губы и, тыча коротким пальцем в карту, рассказывал, что это дикая страна. Поля пахнут сохой и ходят в лаптях, не имеют понятия о телефоне и газетах. И что Германии в ближайшем будущем предстоит навести свой немецкий порядок.

Мальчик Вилли верил в это. Прилежно учился и, как все его сверстники, ненавидел евреев и славян. До хрипоты кричал: «Хайль Гитлер!» и изо всех сил тянул руку с черной свастикой.

Отец с восхищением смотрел на сына.

— Если бы видел тебя покойный дед. Он бы тобой гордился. А мать, умирая, говорила, чтобы ты обязательно выучился на садовника. Не сбылась ее мечта — и к лучшему. Сегодня время военных. Ты согласен, мой мальчик?

— Да, отец. Служить фюреру и великой Германии — большая честь для каждого истинного арийца...

Оборвав воспоминания, Вилли глубоко затаился дымом и, помедлив, отбросил сигарету. На деревню опускалась ночь. В сених неуверенно затапали, упавший с лавки ковш, грохоча, покатился по полу. Вилли вздрогнул, поморщился: нервы ни к черту. Не поворачивая головы, громко спросил:

— Ты, Ганс?

— Герр майор, ужин готов.

— Иди спать. На ночь закрой все окна и принеси пару свечей. Я хочу написать письмо.

В комнате было почти темно. Не притронувшись к еде и пузатой бутылке, прошепел к кровати. Не снимая сапог, лег поверх одеяла. Спать не хотелось. Вилли никак не мог понять, что его так гнетет, не дает радоваться. Где-то в глубине души появилась маленькая, еще не совсем ясная тревога. Ведь все прекрасно: война кончается. Правда, русские еще сопротивляются. А им ничего больше не остается, как с винтовкой идти на танк или ждать, когда раздавит гусеницей. Конец один. Или тот летчик, которого нашли у местного коммуниста. Знал, что его ждет смерть, и все-таки, ухмыляясь, молчал, не поддал и не просил сохранить жизнь. Откуда в русском парне столько силы воли? Непонятно! Ведь фюрер говорил, что СССР от одного удара рассыплется, как картонный домик. А Союз живет в этих людях. Во что они верят? Фанатики! А может, надеются на чудо?.. А, черт, совсем раскис. Какая духотища. Даже ночью нет покоя. Что за страна?

Вилли рывком поднялся с койки и, налив в стакан шнапса, залпом выпил, потом налил еще. Стало легче, даже весело. Допив остатки, нетвердым шагом дошел до угла и боком повалился на кровать. Он уже не слышал, как вошел Ганс с зажженными свечами, как тряс из бутылки капли шнапса и пил, чмокая в тишине.

Его разбудил денщик на рассвете. Голос Ганса долетел как из глубокого

глиной, мутным потоком текла по кюветам. Полусторевшие останки домов злобеще чернели по обе стороны дороги. Закопченные трубы напоминали огромные кресты среди рукотворных могил.

На столе задребезжал телефон. Звонили из соседней деревни. В дом, где разместились на ночь лег пятеро солдат, была брошена граната. Все погиб. Нападавшие скрылись.

А. Вайкутис

ТЫ ВЕРНУЛСЯ, СЫНОК...

Рассказ

колодца. Помедлив, открыл глаза. В голове стоял сплошной шум, к горлу подкатывалась тошнота.

— Герр майор. Проснитесь.

— Что тебе, Ганс? — медленно проговорил Фацман, тяжело поднимаясь на кровати. — Что ты орешь, как в лесу? Что стряслось?

Страшное предчувствие овладело им.

— Герр майор! Повешенный коммунист исчез, часовой убит.

В комнате на мгновение воцарилась тишина. Слышно было, как за ставнями скрипел оборванный желоб. Шел дождь. «Вот оно, началось», — подумал Фацман.

— Найти убийц, все перевернуть, смечь. Бог с нами! — белея от гнева заорал майор.

Ефрейтор замер, не зная, что делать. Руки у него мелко тряслись.

— Ну что ты стоишь, болван. Вперед!

Когда за Гансом с треском захлопнулась дверь, Вилли долго сидел и тупо смотрел на пустую бутылку. Ему снова хотелось напиться. Медленно, но все яснее соображала голова:

«Кто мог это сделать? В деревне кроме стариков и детей никого нет. А если партизаны? Сейчас много бродит по лесам солдат, пытаюсь пробиться на восток. Нужно звонить полковнику Штембергу, чтобы прислал карательный отряд. С партизанами нужно кончать сразу. Через месяц будет поздно».

Совсем рядом застрочил автомат, нестройно захлопали винтовочные выстрелы. Откидывая мокрый капюшон и низко пригиваясь, в дверь протиснулся дежурный офицер. По лицу было видно, что никого не нашли. Не дав начать доклад, Фацман спросил:

— Кто бы мог это сделать, лейтенант?

— Я... я теряюсь в догадках, герр майор, — неуверенно начал офицер. — Кто их поймет этих русских. Только огонь и смерть могут им развязать язык.

— Вы свободны. Соедините меня со штабом.

— Яволь, герр майор!

На улице, усиливаясь, хлестал дождь. Вода, перемешанная с пеплом и

«Да, только огонь и смерть смогут их поставить на колени», — с нарастающей злостью думал Вилли, до боли в пальцах сжимая черную трубку.

***

С ПЕРВЫХ минут войны Марию Федоровну Железнову не покидала мысль о детях. У нее их было трое. Старший Федор и средний Алексей служили на границе. Только младший Борис был при ней. Рослый, не по годам серьезный, он все делал основательно, не спеша. Из класса в класс переходил с Похвальной грамотой, дома не требовалось дважды повторять, чтобы принес дров, почистил в хлеву, натаскал в бочку воды. Порой прямо-таки и убежденность сына пугали Марию. Так было и год назад, весной 1940 года. Неожиданно ночью пришли двое из НКВД и увели отца, забрав паспорт, фотографии. В деревне никто не говорил вслух о ее муже как «враге народа», но соседи перестали заходить в дом Железновых, заведя на улице, спешили перейти на другую сторону. Только Борис стоял на своем: «Отец ни в чем не виноват. Разберутся и выпустят». Писал Калинин. Ответа так и не получил. А тут вскоре и фашист напал.

Война надвигалась и на их деревню. По ночам было слышно, как с запада протяжно гремяло. Поднимая серую пыль, молча, на восток ткнулись военные. Брели в одиночку, опираясь на палку, приклад винтовки. Шли по несколько человек без оружия, с одними вещмешками. Заросшие, черные от пыли лица выражали смертельную усталость, безразличие. Вперемешку с солдатами двигались беженцы. К дому Марии подошел молодой лейтенант. Обветренное лицо с красными от бессонницы глазами говорили, что идет он не первый день. Правая рука до локтя была забинтована. Запекшаяся кровь на некогда белом бинте от пыли стала темно-красной. Попросил напиться.

— Солдатик, не видел где по дороге моих сокольников? — спросила Мария, подавая кринку с молоком.

— А где, мать, слу-

— На границе они.

— Нет, не встречал. Мы из-под Минска. А пограничники до последнего держатся. Таков там народ.

Молоко тонкими струйками скатывалось из уголков рта.

— А вы что бежите, им-то какво одним, без подмоги?

Выпив, вытер рукавом губы, по-детски причмокивая.

— Не ругай строго, мать. Среди нас нет трусов. Без танков, пушек много не навоюешь. Держались сколько могли. А фашист все продумал, рассчитал. Верь, и на нашей улице будет праздник. А за молочко спасибо. Вкусное, как у нас на Кубани...

Все чаще над селом появлялись немецкие самолеты. Проносились низко над домами и беспощадно расстреливали отступающих. Вскоре улицы опустели. Всю ночь на подступах к деревне слышались взрывы, стрельба. Утром появились танки. Безлюдные доселе улицы наполнились шумом и криками чужой речи, плачем женщин, визгом свиней. Новая власть утверждала свои порядки. Ближе к полудню оставшихся жителей, в основном стариков да малых детей, согнали в центр села перед сельсоветом, с крыши которого свисал флаг со свастикой. На воротах двое солдат перетягивали веревку, со смехом ладил петлю, примеряя на своей шее.

Сзади раздавался громкий плач. Когда односельчане расступились, Мария отшатнулась, зажав рукой рот, чтобы не кричать. Босой, в разорванной и без рукава рубашке, шатаясь, между солдатами медленно шел председатель Иван Шувалов. Подвели к виселице. Тыча прикладами, заставили подняться на ящик. Солдаты, взявшиеся за петлю, нарочито медленно одели ее на жилистую шею старика.

Не спеша, вдоль нестройной толпы крестьян прохаживался офицер. Резко останавливался и, упревая в грудь трость, спрашивал на ломанном русском языке:

— Ви ехо знать очень хорошо, да? Он чекист, да?

Пройди всю толпу до конца и не добившись чего хотел, офицер что-то крикнул солдату у виселицы. Немец проворно подскочил к ящику и уперся ногой, ожидая новой команды.

— Я спрашиваю в последний раз: он есть коммунист, он прятал раненого летчика. Так будет каждый, кто захочет, укрыть командир Красной Армии.

Офицер взмахнул тростью. Ящик из-под ног старика отлетел в сторону.

Ночью тело председателя исчезло. Солдата нашли мертвым, без оружия. Начались обыски, расстрелы. Деревня затаилась, еще больше обезлюдела.

В сердце Марии закрывалась неясная тревога за сына. С приходом немцев Борис стал поздно приходить домой. Не появлялся сутки, а то и двое. Часто ночевали не знакомые ей люди. Под утро исчезали, оставляя терпкий запах хвоя и дыма на чердаке.

(Окончание следует).